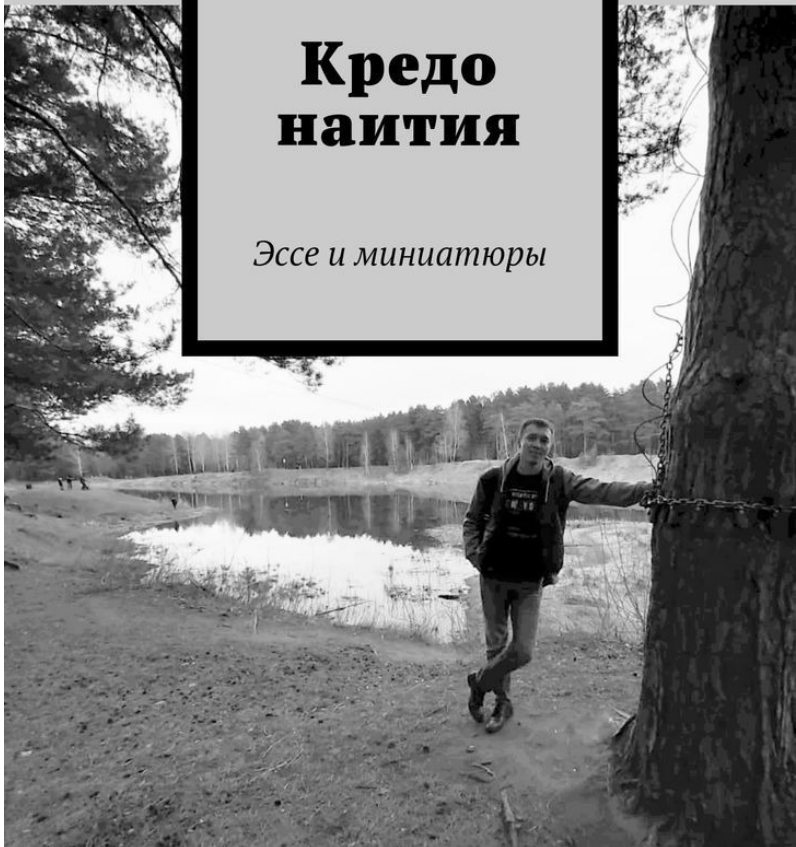

18+

Евгений Морозов

Кредо наития

Эссе и миниатюры

Евгений Морозов

Кредо наития.

Эссе и миниатюры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71020951

ISBN 9785006444591

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Книга нижекамского поэта Евгения Морозова представляет взгляд человека на мир в контексте поэзии, на природу творчества и сопричастные этому мысли. Данную тематику охватывают сочинения автора за период нескольких лет, выстроенных композиционно, в виде эссе и миниатюр.

Содержание

Имя	5
Маленькая смерть	6
Подниматель мгновений	8
Дальше и сверху	11
Стыд	13
Воспоминание	15
Поиск состояния	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Кредо наития

Эссе и миниатюры

Евгений Морозов

© Евгений Морозов, 2024

ISBN 978-5-0064-4459-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Имя

В строении мира – дыхание хаоса. И роль поэта не в том, чтобы приятными намёками запутать ещё больше или дать полуопределённый ответ... Суть в том, чтобы закупорить читателя в вакуум вдохновения, дать предчувствие чего-то большего и чудовищного, нежели реальность. Беда не в обстоятельстве, что любой, помимо состояния окрылённости и доброты, испытывает приступы искушений и злобы... Но в обстоятельстве, что из нас, сквозь всех нас, над нами – каждоминутно растёт и прорастает окрест и повсюду – дикое, нечеловеческое, меняющее и само небо, и земные мысли, ощущение времени, ощущение малопонятности происходящего, то восстающего в праведные системы, то распадающегося на ослепительные флешбэки... Человек: днюет со всеми – в кровном ли противостоянии, в родственной непримиримости, но всегда – возвращается ночевать в собственные сны. Человек: говорит из того, что считает самым собой, смотрит вокруг глазами имени себя, понимает – собой, измеряя мир личным безумием... Но безумие его, его странности, умножающиеся со временем до такой степени, что одним краем он заступает за черту приличий, говорят о другой тревоге... Он ищет имя тому, что должно его убить. Тому, что дало ему жизнь. Тому, по причине чего он неисправимо любит.

Маленькая смерть

Дорога – состояние «нигде».

Ты вроде бы здесь, но уже не здесь.

Ты вроде ты, но уже не ты.

Дорога – вроде бы дорога, но и не совсем дорога.

В дороге думается свободней, поскольку оторван от привычных мест и не связан личными обстоятельствами.

Никто не скажет, как что-то должен, как так или не так что-то сделал, не нужно идти, договариваться, объяснять... Не нужно смотреть в знакомые глаза, слушать привычные темы, пытаться найти новое в старых словах...

Вон – смотри – дорога, по дороге, на дороге, за дорогой... Просто успокойся и смотри...

На скользящие зёрна асфальта, на мельтешащие рельсы, на раскинувшуюся вширь воду, на проплывающие поля, на парящую по воздуху белизну...

Это сейчас, чтобы думать ни о чём.

Думать, что нигде.

Чувствовать, как задумчивый паук, насколько паутина – связь с домом, с долгом, с прошлыми людьми.

Дорога – маленькая смерть. Это ты простился с кем-то, условился о том, что тебя не будет на определённое время, что никакая сила не вернёт тебя к жизни на привычном месте, поскольку сейчас ты в месте совершенно другом.

Подвешенный между двумя точками в пространстве, между откуда и куда, между оставленной совестью и тем, что предстоит, ты доверился силе, несущей тебя, но о тебе не подозревающей.

Дорога – это остановка в размеренной бездумности жизни, возможность посмотреть на себя, на то, что делаешь, сделал, не должен сделать...

Отрезанный хлеб, переливаемое вино, мысль, закруглившаяся на самом себе, ты оказываешься в поле, пространстве, в не заставленном предметами воздухе, где и свободно, и страшно, и хорошо. Где насущно и пьяняще, где хочется и жалко знать, где никто не узнает, как свет сходится с землёю на линии, в которую упирается взгляд.

За возможность греметь на скорости, но при этом молчать на месте, за новое небо над головою, за благородные холмы и развернувшуюся землю, за окна зданий с промелькнувшей чужой жизнью, о которой только догадываться, ты ценишь дорогу, ты устаёшь от неё, ты ждёшь, когда она закончится.

И когда возвращаешься в тело, в обстоятельства, в полагающуюся суету, ты снова среди привычных вещей, но часть этой дороги, часть твоего отсутствия дома, часть той маленькой смерти, с тех пор живут в тебе, замирают в памяти.

Подниматель мгновений

Нет сожаления пронзительней, чем похмелье от разорённой любви.

Нет излома страшней, чем из-за неподспевшего наркотика.

Нет вдохновения тяжелее, чем поэтическое.

Потому что опоры здесь меньше всего.

У художника – краски и бумага. У архитектора – чертежи и расчёты. У режиссёра – сценарий и камеры. У наркомана – фанатичные упования и инструменты по доставке химии в организм.

У поэта – ничего. У поэта – ускользящее уединение и подбираемые слова.

Это фокусник без реквизита. Это нервный ребёнок, забившийся в самый угол. Это человек в голом одиночестве, сидящий посреди поля с горизонтом. А из-за горизонта подглядывает вездесущее око рабочей совести. И работа здесь такова, что скорее форма духовного служения, но не профессия.

Ты, малыш, знающий всегда и всё лучше всех...

Ты, маленький человек, потянувшийся за опиумом удовольствий, за прекрасной песней из пронзительного динамика, обнимающий чьё-то тело и дорисовывающий его в собственном воображении...

Ты, человек большой, рискующий властью, получающий ещё больше власти над обстоятельствами, управляющий реками и дождём, командир плодovitой зелени, на которой растут головы людей...

Знаешь ли ты, что нет ничего, кроме удивительной пустоты с голосом твоего страха, с голосом твоей любви, с негромким гулом надежды, чтоб заполнить всё это пробивающимся из самой памяти светом.

И иногда ты теряешь всё это и остаёшься в тихой пустоте, в стране без границ и законов, в краю отчаянных дней, когда уже не вылечишься ничем, кроме как правдой. И тогда ты поэт.

Поэт, у которого нет ничего. Подниматель мгновений, которые тоскливо проиграны, смяты и выброшены за ненадобностью. Но ты находишь их снова и возвращаешь им цену.

За это чувство, будто отрёкся при жизни, будто веришь, что слово твоё свежее остальных, будто говоришь не ты, но тобой – при помощи едва успевающего ума... Ты знаешь, ты понимаешь в это время, что пишут не извилинами, но состоянием, но отказом от уютных удовольствий, но едва контролируемым бесстыдством, звоном отзывающегося чутья...

Чудовищные стрекозы слов, мудрые змеи слов, камни проверенных слов, хитрые корни слов, варианты смыслов, прогрызающийся ритм – ты сворачиваешь с ума, ты чувствуешь, что помнишь дальше, знаешь то, что трудно назвать, но называешь по имени...

Поэтому нет сожаления пронзительней, чем из-за времени, проигранного на стихи.

Нет излома страшней, чем от ещё не рождённого стихотворения.

Нет вдохновения тяжелей, чем от того, чтоб служить как поэт.

Художник без картины, архитектор без построенного здания, режиссёр без отснятого фильма, он желает пустоты, во время которой слова не похожи ни на чьи другие.

Потому что знает, как нет ничего.

Ничего, кроме правды, которую по-другому не назовёшь, когда звучит очищенный голос.

Ведь и ты поэт, если ценишь красивое. Ведь ты веришь в красивое – как в любовь, как в бога, как в то, что не закончишься после смерти абсолютно. Даже если это красивое выпущено из мук, из удовольствия страдать, из самой серой земли, из путного ничего...

А это и есть опора.

Дальше и сверху

Что делать, если ушибся о несправедливость, если слышишь пренебрежение, если злишься на человека, ещё более слепого, чем ты когда-то?

Делать только одно – быть добрее, а, значит, сильнее, видеть дальше и сверху. Если брызнешь раздражением, если покажешь зубы – значит, истлел, значит, так же слеп, как тот, на кого обижаешься.

Ведь нет ничего важного настолько, чтобы сводить тебя с ума. Ведь посмотри – человек этот, может, ранен в душу, может, не замечает, как правильно поступать, о чём говорить... Он не видит, что ранит другого, он иногда безумен и сам; его нужно жалеть, но жалеть осторожно – понимая, насколько хрупок сквозь грубость, неправоту, беспокойство...

В нём, сотканном из разумных волокон и нервов, в нём есть всё – чтобы стал он теплее, чтобы понял, как неловко, как задумчиво потом самому, как странно... Но сейчас не поймёт, не признается, а, возможно, не успеет и никогда не узнает о самом себе...

Но ты, мой друг, ты, что подкрепился из чаши несправедливости, ты, паладин неустанного тепла, ты, холод видящего неба, ты сильнее тем, что замечаешь его болезнь, что любишь – даже сквозь его неизлечимость, понимаешь – кому же верить, как не человеку...

Ведь любить могут только сильные. Любить так, чтобы твоя страсть, твой блаженный ушиб, спокойствие в правоте и нежности прожгли само время и не оказались тленом.

Тлена нет. Как нет ни раздражения, ни злости, которые ненадолго. Есть сверхусилие, есть желанье оказаться разумнее. Есть умение чують – за промельком обстоятельств и звёзд – робость и слепок тепла, едва-едва, но протянутого тебе... Часть того, что вырастет из обижающего человека, эта часть и спасёт его... А затем этот человек спасёт тебя.

Ведь и ты не можешь быть сильным всегда. Ведь и ты не прав. Даже сейчас.

Стыд

Кто знает, насколько ответственное дело – читать стихи наизусть... Ведь это по преимуществу привилегия актёров – без запинки доносить поэта до зрителя и выпукло интерпретировать. Но почему стыдно сбиться именно во время чтения стихов? Почему так страшно в момент, как сбился, посмотреть на аудиторию... А аудитория ждёт, что ты выправишься, вспомнишь недостающий кусок и продолжишь? И от этого ожидания – ещё хуже.

Почему – стыдно? Может, *потому* что стихотворение – это рассчитанный на бесперебойность процесс, оправданный именно в моменты чтения. Особенно – в моменты первого прослушивания, первого вникания в него. Вот ты начал читать, зритель наострил восприятие, стихотворение зажилó, и его невидимая пульсация пронизывает помещение... Но вот ты сбился, пульсация смысла прерывается, лихорадочность вспоминания превращается в зависание над бездной, куда рухнешь в любую секунду, когда среди зрителей пойдёт недоумённый шёпот или реплики о том, как память подвела...

Что же произошло? В этот момент ты понимаешь: ритм стиха – это поезд, который набрал ход, и твои слова должны бежать ровно рядом с ним. Но текст тобою забыт – поезд уходит вперёд, а ты стараешься его нагнать. Ритм, который

ты раскачал в пространстве, продолжается и живёт какое-то время дальше, даже если ты упустил произносимое. И в моменты провала как раз и осознаёшь нематериальную сторону стиха – это не только смысл, это именно неясное гудение из подтекстов, наблюдений за собой и за окружающими, это звуковой состав, на который не успеваешь, но который догоняешь, чтобы обосноваться в нём.

Поэтому буквально всё пропитано этим гулом, пронизано проходящими поездами, насыщено искрами впечатлений.

Стихотворение наизусть сокровенно именно потому, что инструмент здесь лишь один – голос. И помешать ему легко. Будь это песней, музыка могла бы прийти на помощь. Но это одиночный старт до финальной остановки, где смысл прерывается лишь по логике творца. Вызванное этим ритмическое возмущение обращается на зрителя, крутится в голове, западает в душу, вспоминается среди ночи, среди задумчивого одиночества...

Поэтому, если стыдно, то пусть. Ведь именно в момент провала ты ощущаешь: смысл стихов – в поиске названия для собственных предчувствий. Чем бы ты ни назвал бездну, в какие бы темы ни обратился – войну, любовь, гражданственность, философию, пейзаж – ты придаёшь ей очертания, ловишь гул настроений, а она то расширяется в тебе, то зовёт откуда-то сбоку, сверху, со стороны.

Воспоминание

Для чего дано сожаление? Только ли для того, чтобы понять, что мы (о боже мой!) лоханулись?

Мы слишком скоро живём. Горим победить, убить обстоятельства, успеть поближе в последнюю сторону...

Но сожаление, мрачный пастырь отверженных от удач, подзуживающий бес упущенных вариантов, сожаление – это шанс зацепиться взглядом за дорогу, рассмотреть проносящиеся неровности, запомнить отдельный камешек, которым можно или раздробить голову, или запустить в небеса.

Сожаление о позорных ошибках, об утере самого дорогого – это значит спешиться и задаться глупостью о том, как всё летит не оборачиваясь, но вот ты выпал из потока и остановился, чтобы, без вариантов, страдать, пережёвывать мысли и чувства, ждать до тех пор, пока вода времён не окатит потопом облегчения...

Я видел человека. Сгорбленного, с лицом то ли угодливым, то ли не совсем нормальным. С ведром в руке, из которого он поливал навозом многорядные кустики неподалёку от строящейся церкви. Вместо самой церкви высился вагончик с куполом, куда так густо набились посетители, что молились и у входа. Человек с ведром методично поливал, возвращался, наполнял ведро снова и снова поливал, и до молящихся доходил такой отвратительный запах, что мне неволь-

но думалось, что поливал он человеческими же испражнениями. Но лицо поливающего, не молящегося, как другие, но помогающего церкви, светилось то ли радостью, то ли правотой того, что он делает.

Я был зелен и глуповат. Я всё ждал, когда этот человек закончит работу и удалится, но он подходил снова, снова спрашивал у батюшки, где полить, получал указание и радостно удалялся, чтобы вернуться с ведром и очередным вопросом.

Всё это закончилось так, что я не помню, сколько продолжалось. Я забыл слова, что говорились из вагончика с куполом, забыл, когда это было, забыл многие неудачи и разочарования в дальнейшем, но эту смесь молитвенного упования и запаха нечистот, это лицо, этого сторбленного с ведром, его светящиеся глаза – я их помню.

Сожалел ли о чём-либо человек с ведром? Или замаливал послушанием внутренний долг? Или не хотел сожалеть вообще и ему не о чем помнить? Как бы ни было, он так дал знать о себе, что превратился в камень, который я сохранил.

Дело сильных – менять жизнь, не сожалея, судьба быть замеченными. Но всё же и они слабы, поскольку однажды собрали множество камней. Поскольку так останавливались, что, вернувшись позднее в движение, стали напоминанием для других.

Поиск состояния

Бывает, что стихи не приходят. Не пишутся. Мозг прекрасно сосредоточен. Он даже сыт и нормально себя чувствует. Но стихи не приходят.

Говоря это, можно заключить, что дело не в технической стороне. Дело такое, что не получается войти в состояние энергичного наития, когда одна строка ведёт за собой последующую. Когда зашевелилось в груди жадное настроение, возник невнятный гул с едва проклёвывающимся смыслом, и нет ещё всей картины стихотворения, но есть уже его предчувствие. Когда говоришь себе: «Вот! Это оно. Это да. Я должен уединиться и вслушиваться в себя на протяжении трёх-шести-восьми и так далее часов...»

Потому что пишется не столько разумом, сколько именно состоянием или его отголоском.

Тяжёл труд взмыленного разнорабочего, труд науськивающего учителя, любой труд однообразных, но каждодневных действий... Но работа поэта – не менее труд. Труд вроде бы бессмысленный, наивный, болезненный и ненормированный. Такой труд похож на религиозное служение; он не приносит материального воздаяния, но забирает массу усилий. Потому что способы, чтобы войти в рабочее состояние поэта, не прописаны ни в каком толковнике. Потому что, даже если поэт молчит, то всё равно пишет, пытаясь в это

состояние вернуться. И работа его не видна, а итоги норовят в самую бездну, где сгнуло множество подобных ему.

Да, он самолюбив, тщеславен, бывает, пуст, он порою обманывает себя, что пишет лучше, но в основе его надрывов – стремление к дикой красоте, которой бы он хотел поделиться. И хотя бы за это к нему можно снисходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.